

18+

Сергей Самсошко

Арт

Посвящается художникам

Сергей Самсошко

Арт. Посвящается художникам

«Издательские решения»

Самсошко С.

Арт. Посвящается художникам / С. Самсошко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932177-0

Данную книгу автор написал, чтобы отразить свой взгляд на эстетическую сторону живописи. А также искусства в целом. Желаем приятного чтения.

ISBN 978-5-44-932177-0

© Самсошко С.
© Издательские решения

Арт Посвящается художникам

Сергей Самсошко

© Сергей Самсошко, 2020

ISBN 978-5-4493-2177-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Не смотря на мизерный объём этой книги, я работаю над ней уже целый год. Не то, чтобы я регулярно к ней возвращаюсь – не настолько уж я беспомощен (в профессиональном смысле). Просто мне трудно разглядеть развитие сюжета. Нащупать, так сказать, почву. А временами я впадаю в беспамятство и тупо не знаю, о чём писать дальше.

А причиной всему послужила встреча. Не знаю, случайная ли... Но эта встреча перевернула мой мир с ног на голову. Я уже плохо понимаю разницу между жизнью и смертью. Между нормальным состоянием души и сумасшествием. Я стал сентиментальным. Начал кормить голубей и белок. Я встретил девушку. Она окружена ореолом света, когда я на неё смотрю. И этот свет меня завораживает. Она гениальная художница. Хотя, сама она об этом, наверное, не догадывается. (На этой фразе я уже чувствую себя самодовольным кретином, изображающим всезнайку. Скорее всего, это я о ней плохо знаю и понимаю. А мне, почему-то, возможно в силу обострённого тщеславия, хочется думать, что она не догадывается о том, что является гениальным художником. А ещё хуже, если я просто боюсь, что сила её таланта может оказать на меня влияние. Что, собственно, и произошло. Стоило ли сопротивляться?)

И вот, однажды, я совершил глупость – я принялся её поучать живописи. А за глупостью последовала вспыльчивость и безумие. Так было положено начало книги. Я представил себя в шкуре гениального живописца и постарался передать это на словах. (Ну, почему в шкуре – в теле гениального художника.) Я весьма долго колебался с решением продолжить замысел. Но в итоге, стиснув зубы, что-то там намарал в середине. А концовка сопровождалась катастрофическим провалом в душе. Я лежал в постели и не соображал, что происходит. А временами, меня настигало ровное сосредоточение ума. Я сидел за ноутбук и накладывал строчки, подобно тому, как живописец наносит красочные мазки. Вследствие чего, я вдруг осознал, что перенял от неё созерцательное свойство ума, которое присуще мастерам изобразительного искусства. Хотя, рисовать я не умел никогда, и вряд ли этому научусь.

Но я затронул лишь эстетическую сторону живописи. И возможно, совсем чуток техническую, ради полноты образа (кому интересно читать нудятину?). Да и то, только с мужской точки зрения. Подобное произведение можно встретить у Виржинии Вулф. Оно называется «Волны». В нём раскрывается эстетический взгляд женщины на живопись. Причём, весьма подробно.

А ещё, на днях я поймал ежа и напоил его молочком. После чего, отпустил обратно.

Дно человеческой души омрачено таким ужасом, что никакими словами не описать.

Семён вбивает гвоздь в стену. Чуть выше головы. Вешает картину с изображением стоячего пениса, выстреливающего семя. Картина называется «Корень жизни». Подписано: Семён Стихия. Отходит на пару шагов. Присматривается, наклонив голову в бок. В стену напротив, вбивает второй. Вешает картину с изображением женских бедер и лобка. Название – «Колыбель жизни». Отойдя, смотрит то на одну, то на другую. Слегка кружится голова. Полотна рас-

положены таким образом, что создаётся визуальный эффект, если смотреть под углом в сорок пять градусов, кажется, будто они встречаются; а если в девяносто – разлучаются.

Следующая работа (из этой же серии), будет называться «Соки жизни» – изображение головы юной девушки, с ярко выраженным румянцем на щеках, влажными алыми губками в слегка приоткрытом ротике. С минуты на минуту должна прийти натурщица – Лена. Хулиганский характер одной крайности, и святой материнский – другой. Они познакомились ещё в художественном училище. С тех пор вместе. Она, надо отдать должное, с некоторым фанатизмом относится к нему. Всепоглощающая любовь. А он, холодноват, конечно. Говорит: «В моем сердце живёт другая – девушка, имя которой Живопись. Вечно молодая и дерзкая.» Он достаёт свежее полотно, ставит на мольберт, отрывает кусок тряпки, окунает в банку с грунтовкой, тщательно промазывает холстину.

Дверь его комнаты не закрывается на замок: как-то потерял ключи, пришлось выбивать. И он даже не слышит, как входит натурщица. Лирически созерцает белый экран. «Прости, что опоздала, на улице дождь, пришлось долго ждать троллейбуса, а ещё я ноготь сломала, когда сапог застёгивала!» Она уселась на табуретку, против художника, уперев руки в колени и, выставив милое овальное личико на показ. Когда Семён писал её бедра, она жутко мёрзла в этом его пропахшем растворителем и красками курятнике, именуемый мастерской. Он берёт в одну руку палитру, другой – выдавливает из тюбика краски. Кистью размазывает по палитре. Видимо, ищет нужный оттенок. Быстро так всё делает, даже не задумывается. Будто вовсе не он руководит процессом создания картины, а «Некто», чей образ мы не способны увидеть, понять, осязать, но именно «Он» и является действенной сутью происходящего. Пассивная сила природы. Молчалива, деятельна, никогда неизменна в принципах. Художник – лишь отражение этой силы – её инструмент.

Когда художник создаёт нечто новое, нельзя надеяться, что это сразу же зайдёт в аудиторию, будет понято. Оно потому и новое, что неузнаваемо, непривычно, чуждо. Первая реакция на шедевр – отрицание. Это если какой –нибудь клоун Урлок шутит на федеральном канале и все смеются, подхватывают, то понятно, что он шутит на темы уже как – то связанные с известными личностями, фильмами или картинами. Это и называется – «хайп». А всё новое окружено ореолом мучений, неизвестностью, таинственностью. Всё новое ожидает, пока в нём разберутся, увидят, поймут. Всё новое не имеет никакой аудитории. Всё новое способны понять единицы.

Семён влепил пощёчину натурщице. Не ожидала. «Ты что творишь?!» – восклицает Лена, краснея от негодования. «Нужен румянец.» – холодно отвечает художник. Искусство требует жертв. Тут уж ничего не поделаешь, натурщица смиренно продолжает позировать, нервно царапая краешек юбки.

Не так давно проходила выставка. Некий Рихтер... забыл имя, что-то там от абстракционизма до фотореализма. Тридцать миллионов фунтов стерлингов за полотно. Подобные новости часто раздражают художника. Сковывают мышление. Не то, чтобы Семён завистлив, – просто он за всю карьеру живописца продал всего одну картину, да и то за каких-то семьсот рублей. Больше просто никто не давал. В тот день он радовался, как дитя, прыгающее на батуте. Минуты три радовался, – затем, взял бутылку водки и нажрался в доску. Ленка его тащила через парк домой, уцепившись за воротник. Он лежал на траве обиженный на весь мир и драгым голосом кричал строчку из песни:

Ты ждёшь Лизавета
От мужа привета.
Ты не спишь до рассвета...
Тру – ля – ля, тру – ля – ля...

Мужество женщины трудно оценить, пока не увидишь, с кем ей приходится иметь дело. Лена вызвала такси у входа в парк. Затащила Семёна на заднее сидение – так и доехали. Расплачивалась, конечно же, она. Всё она: еду приносит, краски покупает, холсты. Она иначе не может. Она так его любит. Она на рельсы ляжет ради него – поверьте мне на слово. Если потребуется – не до такой же степени она дура. Просто в этой любви она находит величайшее удовлетворение. Секс? Неет. Тут дело в другом. Семён, бывает, неделями к ней не прикасается, особенно, когда работает. Тут дело совсем в другом. Хотя, время от времени он её так трахает, что все соседи потом обливаются, слыша крики. Колебатель морей.

Ещё до того, как они познакомились, Семён был звездой художки. Стоило ему выйти в коридор после окончания пар, его тут же со всех сторон обхаживали подружки – однокурсницы, девушки из параллельной группы. Лена всё боялась подойти – она вечно торчала на галёрке и воспринимала его, как бога, как существо совершенное и неземное. Так, например, если он писал портрет какой-нибудь девушки на улице, она стояла в двадцати метрах и любовалась каждым его движением.

Но однажды случилась беда. Он тяжело заболел и вот, уже который день валялся в постели. Некому было заботиться о несчастном художнике. А Ленка как раз и принялась это делать, почувствовав непреодолимую тревогу. Она варила ему бульон, ставила горчичники, пила сиропом. А когда ему становилось лучше, она уговаривала его лежать, пока совсем не выздоровеет. Это и понятно, ведь именно больным он был ей ближе всего на свете. Именно больным он был в её власти. Именно больным он был дорог ей больше всего.

Так и произошло знакомство. В дальнейшем, всякий раз, когда Семёну было тяжело, она оказывалась рядом. Постепенно все связи оборвались. Девушки потеряли интерес к художнику. И они оба ступили на путь истинного благородства – натуральное счастье.

Невозможно описать радость, с которым Лена встречала своего возлюбленного. Бывало, после долгой разлуки... относительно долгой, ведь когда по настоящему любишь человека, каждая минута превращается в вечность. Бывало, после долгой разлуки, её всю трясло от радости и страсти к Семёну. Ей как будто бы хотелось выпрыгнуть из самой себя. Дыхание перехватывало. Пульс учащался, как у космонавта в открытом космосе. А он крепко прижимал её к себе и целовал в губы. Всё было как нельзя натурально.

Проблема только, что он никак не хотел жениться на ней. То есть – зарегистрировать брак. Семён считал, что в этом нет никакой необходимости, ведь они и так уже муж и жена. Хоть и гражданские. Когда как для Лены это был весьма важный пункт, поскольку кольцо на пальце защищает от посягательств на семейный очаг. Но не настаивала. Больше всего она боялась, что Семён бросит её из-за какого-нибудь пустяка.

А бывает, она оставляет его одного. Уезжает куда-нибудь, на месяц, на два. Это самое тяжёлое для Семёна время. Время испытаний. Он силится, нервничает, но не звонит. Погружается в работу с головой. День ото дня питается гречкой и порошковыми супами. Это единственное, что он умеет приготовить. Ходит халтурить на Невском. Рисует шаржи на скорую руку. Триста пятьдесят за портрет. Двадцать минут работы. За день можно три косаря поднять, если повезёт. Он умеет. Только ленится. А ещё ему неприятно этим заниматься. Во всяком случае, продолжительное время. Время воспитания.

Как-то ему предложили расписать храм. Выдали аванс. А он водки нажрался и голых тёток повсюду нарисовал. Затем, уснул у алтаря. Батюшка простил. Монашки шептались, хихикали. Но батюшка простил. Окрестил чело и выпроводил. Даже в суд подавать не стал. Возиться, наверное, не хотел. Нанял пятнадцатилетних девчонок, что не зная ещё жизни, охотно соглашались подрабатывать у монастыря.

А вот эскизы татуировок, книжные иллюстрации и прочие мелочи шли на «ура!», только путаться не хотелось. В доме на Мясницкой, в затхлой однокомнатной квартирке, где все-

гда открыта дверь, в силу отсутствия замка, покоились полсотни шедевров, за которые никто не давал ни копейки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.